

Маргарита Южина

иронический детектив

Мастер-класс

от

курицы-соседки

Маргарита Южина

Мастер-класс от курицы-соседки

«Маргарита Южина»

2022

Южина М. Э.

Мастер-класс от курицы-соседки / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2022

Дама интересного возраста – Мария, считала, что ее призвание – умереть на сцене. Но главный режиссер считал, что для сцены необходим еще и талант, а не только само тело. Да еще и такое тучное и не первой свежести. Верх негодяйства этого режиссера был момент, когда он уволил Марию, буквально ни за что. Конечно, той сразу же пришлось собирать вечер для одноклассников, дабы не погрузиться в пучину депрессии! И надо же было на эту встречу заявиться ее вечной врагине – известной красавице Ирке Карасевой! Разумеется, Мария выразила ей свое «фи» через бурную ссору. И что придумала эта расфуфыренная кокетка с рыбьей фамилией? Она просто скончалась в кухне у самой Марии! Теперь надо было найти преступника, чтобы доказать, что сама Мария просто не причем!

© Южина М. Э., 2022

© Маргарита Южина, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Маргарита Южина

Мастер – класс от курицы – соседки

© Маргарита Южина, 2022

Глава 1

– ... За легкомыслия порыв мой страстный, который ночи мрак тебе открыл! – Джульетта, которой по всей видимости, давно перевалило за пятьдесят, так отчаянно выкидывала руки к нарисованной луне, что зрители всерьез опасались, что толстые руки оторвутся.

– Клянусь тебе священной луной... – Ромео тоже был не первой свежести. Голос артиста дрожал, дребезжал, куда-то пропадал, а потом появлялся с неуместным повизгиванием. – Что серебрит...

Что было дальше, зрители не услышали. На сцене раздался залиvistый лай, а затем к артистам любительского театра «Магомед» выскочил небольшой белый песик и кинулся на псевдо-Ромео.

– Что серебрит цветущие... Да твою мать! Уберите эту шавку!... – пытался не выпасть из роли артист, но у него не совсем получалось. – Цветущие деревья!.. Блин! Чья собака?

– О, не клянись луной непостоянной... На мою собаку не ори! Гриша! Ко мне! Быстро в гримерку!.. О, не клянись луной... а, я это говорила... Ага... Чтоб и твоя любовь не изменилась!..Гриша! Ко мне! Быстро ко мне, паразит такой!... Ромео! Я уже сказала – чтобы твоя любовь не изменилась, чего молчишь-то?

– Да я вообще не буду работать в такой обстановке! – взвился актер, отрывая от своей штанины пса. – Мария! Убери псину! Павел Георгиевич! Да сколько ж можно! Айй, блин, он прокусил кальсоны и уже... Машка! Собаку убери!

Занавес рухнул и тем самым спас не только штаны Ромео, но и органы актера. – Марья! Это ты собаку притащила?! – раздался грозный рык режиссера.

Пышная дама, которая только что играла юное дитя Джульетту, сиганула прямо с бутфорского балкона на сцену и мигом поймала собачку:

– А что такого? – вопрошала она, округляя глаза. – Значит, Наталья может своего сына на спектакль приводить, потому что ей не с кем его оставить, а я...

– Так там сын! – возмущался режиссер. – Понятное дело, что мальчику одному дома страшно!

– Мальчику, на минуточку, тридцать лет! – яростно выкрикивала Мария. – А вот моей собачке всего шесть лет, и ему страшно!

– А у тебя собака! И вообще!..

– И вообще – продолжала Мария. – Наталья приводит своего олуха, потому что вы его папаша, алименты не платите и пусть все видят, что...

– Я?! – до глубины души возмутился режиссер. Причем, все уже давно знали, что сын Натальи от него, но впервые это было озвучено! Весь город, понимаешь ли, молчал, а эта... Тоже мне! Ермолова! Великая актриса выискалась! – Мой олух?! Да я... вы уволены!!! Немедленно же!

Все это действие проходило прямо за кулисами, а зритель, который ни куда не собирался уходить, все это великолепно слышал. И последняя фраза была принята свистом и улюлюканьем. На это как-то надо было реагировать. Поэтому занавес опять раскрыли и Мария, псевдо-Ромео и режиссер вышли к зрителю на поклон.

– Ах, ты ж сволочь! – вскинулась одна из зрительниц и понеслась прямо на режиссера.

Чего думать – это была его супруга, все это знали, включая зрителя, поэтому зал разделился на две половины. Одна половина скандировала:

– Ло! Ви! Ло! Ви!

А другая же свистела и улюлюкала:

– Беги, Пашка-а!! Беги-и-и!!

Мария Игоревна Ведрищева сидела у себя на кухне, шумно пила чай и скорбно закатывала глаза к потолку.

Театр «Магомед» был любительским. Его организовал когда-то один из богатых жителей города. Сначала он хотел открыть конюшню, но потом решил, что в городе не хватает культуры и открыл театр. Назвал его в честь себя любимого. Потом этот единственный ценитель культуры и духовного благосостояния города сел за какие – то махинации, а театр так и остался. Городок был маленький, никаких развлечений здесь отродясь не водилось, поэтому люди помимо работы полностью отдавались двум страстям – театру и преступлениям. Театр посещала вся городская элита. Это было, как бы, правилом хорошего тона. Да и где еще можно было показать новые наряды, роскошные машины или замысловатые украшения. Был, правда, в городке еще и Дом Культуры, но тот регулярно горел. И что только местные пожарники не делали, чтобы языки пламени не рвались в этот культурный очаг, ничего не помогало. Горел, зараза, в конце каждого квартала, полугодия и в конце года. Кто его знает, почему. Но люди к этому привыкли и в определенные дни уже сносили к дверям Дома культуры ненужную мебель, старые кресла, поношенную одежду и даже годовые отчеты. И в определенное время пламя сжирало все. Поэтому и здравствовал только театр. И городская элита его боготворила. А поскольку элитой считали себя не только рыночные торговки и работники местного банка, но и все остальные, то народу в театре всегда было много. К тому же, люди приходили сюда не столько для знакомства с классикой и для показа своих же моделей, как для того, чтобы полицезреть очередной скандал, а то и поучаствовать. Еще не было ни одного спектакля, чтобы артисты на сцене не перессорились, а зрители не набили друг другу физиономии.

Понятное дело, что потерять работу в таком месте было самым последним делом. И хоть Марию увольняли каждый сезон, расстраивалась она искренне и отчаянно.

– Так на кой черт ты поволокла с собой Гришку? – недоумевала Тонечка, ближайшая подруга Марии.

– А с кем я его оставляю?! – искренне удивилась Мария. – Не одного же! Мальчику шесть годиков, а тут... мало ли что может произойти!

– Твой мальчик всю жизнь сидел один, ты его только вчера с собой взяла, – напомнила подруга. – А теперь кого винить? Еще и про сына этого вспомнила! Вот чего полезла? Все знают, уже никому не интересно!

– Лучше не зли меня! Ты подруга? Вот и успокаивай сиди, – недобро набычилась Мария, взяла на руки песика, чмокнула его в белую макушку и собралась было реветь от несправедливости. – Оставить одного... Гришика! Можно подумать, ты не знаешь, как он мне достался!

Тоня опять ничего не понимала. Да она прекрасно помнит, как Гришка появился у Маши, но ничего печального там не было... Или она что-то упустила?

А все было просто – где-то около шести лет назад Марию по обыкновению турнули из театра. Тогда она не выучила текст, а когда на нее режиссер накинулся, Машка сообщила тут же, что бедный Павел Георгиевич оттого злой, что ему рога давят на мозжечок, а там, дескать, расположен центр доброты и порядочности. Ну, понятное дело, Павел начал разбираться, оказалось. Правда – рога у него были. Но вот с того момента работы у Машки уже не было. А когда Машку увольняют с работы, она вспоминает, что у нее хобби – ловить преступников или распутывать какие-то нераскрытые дела. И эти дела сами на нее, на Машку, и валятся. В тот раз свалился какой-то полудохлый старичок, которого дети вышвырнули на улицу из собственного жилья. Мария быстро разнюхала, что воду мутила невестка, все это было доложено участковому Феденьке, а старичок был успешно водворен обратно, в свое жилище. Сынок же дедушки который изначально был заодно с женой, но потом вовремя сообразил, что может и вовсе остаться без наследства, быстренько проникся любовью к бабушке и стал его умашивать, как мог. В частности, он подарил ему жутко породистого щенка заморской собаки, одна порода которого называлась слишком заковыристо для небольшого городка. Порода называ-

лась вест хайленд уайт терьер. К щенку прилагалась целая кипа документов. Кстати, новым владельцам даже имя придумывать не приходилось – щенок уже родился с мудреным именем, которое выговорить не смог ни дедушка, ни сам сынок. Дедушка, который оказался дико состоятельным, был настолько благодарен Маше за исход дела, что решил ей не платить деньгами («Мария, я понимаю, деньги вы не возьмете!»), а сунул ей этого щенка. Потому что ему этот щен вообще на фиг не сдался. Мария не отказалась бы от денюжки, но посмотрела на пуговичные глаза этого никому ненужного щенка, и пропала. Конечно же, она полюбила его сразу же. И назвала Гришей в честь своего папы, которого никогда не видела, но, наверное, любила. Вообще, с именем папаши была некоторая неувязочка. Маменька то называла отца Гришей, и нежно прикладывала платочек к глазам, то звала его на модный манер Гариком, в свидетельстве о рождении Маши записала ее, как Игоревну, а когда ругалась, отчего-то звала отца Василием. Однако, столько собак у Марии не было. Поэтому белой собачке досталось имя Гриша. Ну и вся кипа документов перекочевала к ней, но это было совсем ни к чему. Пускать щенка в разведение Мария не собиралась, когда она узнала цену на этого щенка, она сразу поняла – в их городке лучше десять раз украдут собаку, чем будут платить за нее такие деньги. Гришка был умен, красив, послушен и чрезвычайно предан Маше. А та баловала песика и даже на некоторое время отказалась от мысли искать себе нового мужа.

И вот, что тут было трагического? Тоня хотела было спросить, но поняла, что все будет без толку, поэтому просто перевела тему.

– Маш... ты бы лучше... это... взяла бы, да встречу одноклассников собрала, а? – заиграла глазками Тоня, прервав намерения подруги разреветься, – Мы уже сто лет не собирались.

Подруга знала, энергию Марии надо срочно направить в мирное русло. Если же опоздать, то... Да и со своим мужем Тоня развелась десять лет назад. А из одноклассников многие мужики очень даже ничего. Вот и надо проверить – все ли в семьях, может, кто и развелся. Вон, у самой Машки бывший муж тоже одноклассник. Еще и местный участковый – Федька Сазонов, из соседнего класса, тоже неплохая партия. Вечно разведен, вечно худой, голодный и загадочный – самое оно для супружеской жизни. Правда, на него и сама Машка заглядывается. Прикрывается какими-то детективными делами. Дескать, ей жутко интересно всякие преступления разгадывать. Благо этих преступлений в их городе пруд пруди... Короче, пора бы уже встретиться всем одноклассникам.

Мария серьезно нахмурила брови, поставила песика на пол и уставилась в окно:

– Я подумаю.

После этого Тоне можно было смело уходить домой, Машка теперь однозначно всю голову себе ломает, но вечер встречи одноклассников состоится.

Она не ошиблась. Уже вечером Маша сидела на ведре возле клумбы с георгинами, дергала траву и трещала по телефону:

– Ой, ну я тебя умоляю! Чего там денег-то?! Всего каких-то две тысячи. Зато посидим, как люди. А не как в прошлый раз – пригласила к себе Людка, а вечером пришел ее пьяный муж и всех выгнал к чертям. И нашу же водку выпил. Ну не паразит ли?... Да-а, все будут! И... да, и... а сколько тебе нужно девчонок? Чтобы все? Ну так все и будут... Давай... переводи деньги на мою карточку. Я тебе сейчас номер скину. Все, привет... Та-а-ак, здесь ставим плюстик... Теперь звоним Федьке... Где же у меня его номер... Ага, вот... Алло... Ал... Федя?!

Маша обзванивала своих одноклассников и занималась садовыми работами. Она любила свой городок. Он был старенький, небольшой, и какой-то игрушечный. Почти все жители знали друг друга, были соседями и все жизненные перипетии проходили на глазах у всех людей. В городе было мало многоэтажек. В основном, люди жили в частных домах и имели собственные дворики. Когда-то власти задумались о благосостоянии жителей, и придумали очень выгодное дельце. Вместо того, чтобы строить новые высотные здания и тратиться на всякие там инфраструктуры, власти сделали проще – они объявили районы города коттеджными поселками. А

чего? Молодежь все равно уже вся из городка уехала, а зрелые жители никак не могли прожить без собственных участков. Вот и жили все в домиках, с двориками, где сажали грядки, да выращивали цветы на клумбах. Кому не нравится – те уезжали, а между прочим, были и такие, которые приезжали из других городов, чтобы, как они выражались, пожить в прошлом.

Мария жила в крепком доме, который ей достался от родителей. Жила одна, но с хозяйством управлялась без проблем. К тому же, здесь так вольготно было Гришке. А позже, лютой зимой, они с песиком, когда выбежали на быструю прогулку, нашли на помойке полузамерзшего щенка. Конечно же, забрали его, назвали Дариком, а щенок вырос в огромного Дара. И Маше не пришлось даже беспокоиться об охране дома и двора.

Вот и сейчас – она говорила по телефону, а оба пса мирно лежали у нее возле ног и размышляли, чтобы такого придумать, чтобы хозяйка угостила их куском легкого. Они-то точно знают – Маша вчера купила этого легкого два пакета. Не сама же она есть будет.

Вечером к Маше опять забежала Тоня, да и чего ей не забегать – дом Антонины стоял прямо напротив:

– Ну и чего? Надумала вечер встречи собирать? – горели глаза у подруги.

– Скажешь тоже... уже собираю! – фыркнула Маша. – А еще... Смотри, что купила!

И Маша быстро унеслась в соседнюю комнату. Оттуда она уже тащила вешалку со здоровенным платьем в огромный цветок

– Вот, вчера купила, – не могла она оторвать глаз от покупки. – Вчера, как увидела, у нас на рынке женщина продавала, в как представила себя в нем...

– Маша, ну ты дура! – не выдержала подруга, но тут же исправилась. – Я в хорошем смысле слова. Тебя с работы уволили, а ты последние деньги на платья тратишь! У тебя новый пододеяльник был, в маленький горошек. Я бы тебе из него...

– Чего бы ты мне из маленького горошка? – набычилась Марья. – Ты ни фиги не знаешь, а туда же! Я два дня назад объявление прочитала – какой-то воротила нанимал мыть вымыть два окна за пять тысяч, прикинь!

– Да ладно! – не поверила Тоня. – Врет, наверное, да?

– Нет, не да! Я вымыла, а потом увидела, что у них там этих окон... Короче, пришла еще раз и заработала еще пятнашку. За два часа! Так я туда еще раза два – три бегала. Там же этих окон! Он живет-то совсем рядышком с театром, прямо совсем близко. И, прикинь, такие деньжищи платит! Вот это работа! Так что... я еще подумаю – возвращаться или нет в этот театр.

– нет, ну если так... – протянула Тоня и тут же переменяла тему. – И кто идет?

– Да кто... человек пятнадцать соберем. Я ж не столько с нашего класса, а со всего выпуска... – Маша вздохнула и покачала головой. – Вот ты не поверишь, такая суета... наши мужики... Вот их хоть не зови! Им обязательно надо, чтобы девочек было больше.

– Ой, как всегда! – обиженно надула губки Тоня. – А ты чего?

– А чего я... говорю, что все девчонки уже записались, а сама еще ни одной не звонила. Будем ты, я, да еще можно Таньку Свешникову пригласить, она теперь такая толстая стала.

– Точно! А больше и не надо никого! – щebetала Тонька. – А то, как всегда, девчонок набьется полный зал, все расфуфыренные, накрашенные, их потом танцевать приглашают, а мы с тобой, как две дуры сидим, хоть бы кто подошел!

– Не две, а три... – покачала головой Маша. – Еще и Танька Свешникова. Но не в этот раз. В этот раз нашим мальчикам никого, кроме нас не останется.

Однако, Маша ошиблась. Минусом небольшого городка является то, что новости разлетаются здесь со скоростью молнии. И, конечно же, такое событие, как встреча одноклассников, не смогло пройти незамеченным. К тому же, сами одноклассники, зная предрасположенность Маши к одноклассницам, сами побеспокоились о том, чтобы всех девчонок оповестить. Страшно сказать, даже Катька Солодовникова, которая сразу после школы мотанула куда –

то на Север, и никто ее больше не видел, и она решила встретиться с одноклассниками. Ну, Катька всегда была ни рыба, ни мясо, серенькая мышка, так что она погоды не сделает. Да и что сделать, если эти мальчишки... Ну, в принципе, все уже давно были не мальчишки и девчонки, ну да для одноклассников когда имели значения года!

В пятницу, перед заветной субботой, Тоня прибежала к Маше с целой сумкой:

– Маш, покрась меня, а? Вот, я тут две краски купила – одна белая – подороже, а другая...

– Какая белая? Ты с ума сошла?! – всплеснула руками Маша. – Ты всю жизнь была рыжей, а теперь хочешь белой быть? Не смейся людей! Какая краска у тебя другая?

– Черная...

– Все! Как всегда! Давай тебя покрасим в цвет разведенной зебры! – неизвестно отчего негодовала подруга. – Полоса белая, полоса черная, полоса белая... И черная...

– ... Задница?

– Морда! У зебры всегда морда черная. А тебе бы только про задницу...

– Маш, ну что случилось? – не выдержала Тонька. – Ты вот прямо, как цепная психа.

– Да будешь тут психой, – тяжело вздохнула Мария. – Знаешь, сколько завтра будет одноклассников? Двадцать один. И знаешь, сколько мужиков? Шесть! Остальное все наши бабы! И откуда только узнали, заразы такие... Давай, чем тебя там красить?

– А твой будет? – спросила Тоня.

– Будет. Я ему в приказном порядке сказала. Ты ж знаешь, он со своей лахудрой развелся. Может опять любить меня открыто. А то все такие взгляды присылал, ой, как вспомню...

– Я думала, СМС-ки... А Федька Сазонов?

– Будет... А тебе зачем? – насторожилась Маша. – Ты мне на Федьку даже не смей глаз свой косоглазый класть! Федор, это... это святое...

И Мария придала к себе Тонькин пакет и устремила глаза в окно. Самое время было включить американский гимн. Они всегда так в кино его слушают.

– А из девчонок кто? – не прониклась Тонька ситуацией.

– Ирка Карасева! Довольна? Хватит тебе?

Да, одной Ирки Карасевой могло хватить на то, чтобы все одноклассники мужского пола крутились только возле этой дивы.

Ирка еще с первого класса всегда была самой – самой. К ее стройненькой фигурке и огромным синим глазищам, к ее каштановым локонам всегда прилагались самые здоровенные банты, самые коротенькие юбочки и самые модные шмотки. К тому же, эта выдра еще и училась на отлично. Ирка всегда была занята – то у нее тренировка на фигурном, то она на занятиях в музыкальной школе, то у нее танцы. Когда учились в школе, на своих сверстников Ирина почти не обращала внимания – мелочь пузатая. По Ирочке сохли мальчишки со всех классов. Но после школьных лет Ирина Аркадьевна вдруг заметила, что и в ее классе есть люди весьма достойные, и их внимание ей не стало докучать. Она принимала его с радостью.

Совсем не так радостно было подружкам – Маше и Тоне. Очередная перспектива остаться в тени совсем не радовала.

– А ты не помнишь, Ирка не разводилась? – повернулась Маша к подруге. – Она же вроде бы, замужем была?

– Она и есть замужем, – кивнула Тоня. – Но... У нее не ревнивый муж. Он ей всегда разрешает с одноклассниками тусоваться.

– А чего это? Как будто одноклассники не люди, – даже обиделась Маша. – Ну ни чего, сразу предупреждаю, если эта Карасева на моего Владьку или на Федьку... А чего это ты глаза отводишь? Ты мне смотри!... Пойдем я тебя покрашу.

– В разведенную зебру?

– да какая разница, – махнула рукой Маша. – Кто там на тебя смотреть будет...

В назначенный час, в местном кафе «Тюльпан» собрались все одноклассники. Гремела музыка, белизной сияли скатерти, отсвечивали стеклом фужеры. Вот в самом деле, когда тебе плохо, нужно устроить встречу друзей. Тогда на неприятности просто не остается времени.

Маша сидела в самом центре стола, она не только собирала одноклассников, но и всегда придумывала программу, поэтому ее место было самым видным. К тому же, сегодня она придумала небольшую хитрость. Она предложила девчонкам первым занять места – через одного, а молодым людям ничего не останется, как выбрать себе даму на вечер и усесться рядом, на свободное место. Задумка, как оказалось, была так себе, потому что все мужики кинулись занять места рядом с Ирккой и... и с Катькой Солодовниковой. Катька вообще выкинула номер «чтоб я помер». Эта наглая серая мышка, эта «ни рыба, ни мясо», умотала на свой Север, открыла там свою ветеринарную клинику и стала богатой и красивой. Ну не сволочь ли? То, что она была богата, было написано у нее прямо на лице – она бесстыже молодо выглядела. И это были ни какие-то там уколы молодости, на которые Маша уже полгода накопить не может, а скорее всего, самая настоящая круговая подтяжка, которая стоит – мамадорогая сколько! И, понятное дело, такое сочетание. Как красота, молодость и богатство не могло оставить мужчин – одноклассников равнодушными. Они забыли, как издевались над Солодовниковой все школьные годы, и теперь назойливо предлагали себя в кавалеры.

Как Маша не пыталась к себе привлечь внимание, Катька и Ирка спокойно перетянули всех мужиков на себя. Всех шестерых. Даже Федька Сазонов – и тот смущенно улыбаясь, поглядывал на Катьку и даже попытался примоститься рядом с ней. Да чего там Федька! Даже Машин бывший муж Владька Рубцов, и тот...

– Владька!! – рявкнула Маша, видя, как тот пододвигает тощим задом свой стул к Ирке. – А ну быстро на место! Рядом! Рядом со мной!

Владька еще не забыл своей любви к Маше, поэтому тяжело вздохнул и присел с бывшей супружницей.

– Дорогие мои! – громогласно начала Маша, когда все уже уселись. – Не будем ждать больше никого, начнем!

Сначала Маша произносила какие-то слезливые тексты про время, возраст и про уроки жизни, потом, после нескольких выпитых рюмочек, на ведущую уже мало, кто обращал внимания. Уже и Ольга Толстикова, в сущности, прилежная мать семейства, теперь выше колен задирала и обещающе подергивала бровью перед пьяненьким уже Сашкой Чихачевым. Светка Кукушкина назойливо танцевала прямо перед глазами Сережки Осипова. Тот пытался отодвинуться и поговорить с другом – Вовкой про машины, но Света передвигалась к нему, и через каждые десять минут валилась к мужчине на руки с криками: «Ой! А чего мне не сказали, что здесь такие скользкие полы! Ха-ха, придется тебе, Сережка, отдуваться!». И даже Танька Свешникова, опустошив четвертую тарелочку с салатом, теперь решила накормить Вовку и настойчиво толкала ему вилку в рот. Вовка тоже пытался поговорить с другом, но не мог физически – салат не давал говорить.

Мария не должна была оставаться незамеченной. Поэтому она перешла к точечному перехвату.

– Танюша! – подходила она к Свешниковой. – Да ты похудела!!

– да ладно? – таяла пышна одноклассница.

– А я тебе говорю – похудела! Смотри! Раньше у тебя пальцы были, как сардельки... да что там сардельки – как докторская колбаса, а сейчас... прямо тебе изящные сосисочки!! Охотничьи! Которые такие тощие и масляные все. Я в хорошем смысле!

Татьяна сияла от счастья. Это ж сказка – есть в три горла и худеть!

– Катенька! А ты ветеринар?! Обалдеть! – уже ворковала Мария возле Солодовниковой. – Это здорово, что ты ветеринарку открыла. Это значит, что ты любишь животных. Я... я обязательно тебя познакомлю со своими собаками. Их две... два... они не кусаются. Нет, Дарик

кусается, но он не страшно кусается. Он не так, чтобы рррыгаф! И цапнул. Нет. Он просто подойдет познакомиться и тяпнет. Аккуратно так. Причем, совсем не взяточник. Вот ты ему мясо дашь, он мясо сожрет, а тебя все равно укусит. Но он на улице все время или в гараже. В дом я его не пускаю. А вот Гришка – тот ваше не кусается. Он просто людей любит. Ты его посмотришь?

– Когда мне, Маш? – улыбалась Катька. – Я ж скоро уезжаю. Да и занята я днем.

– А ты ко мне можешь в любое время! Я там же живу, где и раньше. А то, знаешь, он что-то ушками трясет. Я так за него переживаю. Я не за бесплатно! Я любые деньги заплачу.

– Тонечка! – подлетела она к следующей однокласснице. Но поняла, что перед той можно бисер не метать. – Да тьфу на тебя, Тонька! Чего под ногами крутишься?

– Юрочка! Петушков! А ты, я слышала, пить бросил? – уже ворковала она возле следующего. – Тебе надо срочно выйти замуж... Жениться! Пока снова не запил. Прямо срочно – срочно!

– А мне? – тут же подошел Рубцов – бывший супруг. – Я тоже похудел, на целый кошелек. Поэтому мне срочно нужно жениться.

– Да нет таких дур, кто б за тебя пошел, – горько вздыхала Маша.

– Ты была единственная? – расстроено уточнял Владька.

– Но-но-но! – оборвала Маша словоблуда и уже неслась к следующему однокласснику.

Но как не пыталась Мария вылезти на передний план, поняла, что пора приступить к самому веселому – к танцам. Зазвучала быстрая музыка и на середину танцпола потянулись первые танцоры. Сначала это были женщины – мясистые, раскрашенные, как индийские невесты, в цветастых платьях. Заводилой, конечно же, была Мария. В своем новом платье она напоминала огромную клумбу, но ничуть не расстраивалась. Сама себе она виделась легкой бабочкой. Дамы азартно двигали животами и переставляли бутылочные ноги с места на место. При этом задорно играли глазками и трясли залакированными кудрями.

Легкими девчонками среди пышных дам смотрелись две одноклассницы – Ирка Карасева и Катька Солодовникова. Женщины были на высоченных каблуках, стройные и подвижные. Смотреть на них было прямо неприятно. Маше неприятно. Нет, ну чего выделяться? Все бабы, как бабы, а эти две...

Радовало одно – Федька упрямо клеился к Катьке, а та упрямо его отвергала.

Но печалило то, что его не отвергала Ирка Карасева. Она прямо сама к нему липла – то рядом с ним плясать надумает, то ему какие – то глазки строит. А то и вовсе заявила:

– Девочки! Не стоим! Сейчас будет белый танец!

– Пойдемте за столы! – проигнорировала заявление одноклассницы Маша. Теперь надо было изо всех сил тянуть одеяло на себя. Да и к тому же, кто не знает, кого пригласит Ирка! А Федька тоже не евнух, возьмет, да согласится. Нет уж... – У меня созрел тост!

Одноклассники ничего против тостов не имели и послушно уселись на свои места.

Над столом стоял ровный гул пьянеющего люда. Уже никто не слушал ведущую, все наливали сами себе, и сами же честно выпивали. Кому надо – выходили потанцевать, а кто не хотел, то ел, пил, и рассуждал, как нужно управлять страной в такое непростое время. Кстати, мужская часть одноклассников, все больше, именно пила и рассуждала, в то время как женской части хотелось романтики и танго.

Мария поняла, что ждать милости от природы, это не наш путь, быстро объявила белый танец и рванула к Федору. Но добежать не успела – эта тощая подруженька Тонька перехватила мужика перед самым носом. Оставался только бывший муж.

Когда – то Виталик Рубцов не имел такой блестящей лысины, был выше сантиметра на два и хорошо разбирался в математике. Машенька была яркая девочка. Если уж совсем честно, то не столько яркая, сколько видная – ее килограммы всегда были хорошо видны с любого места школы.

Когда девочке случилось тринадцать лет, она вдруг сообразила, что ждать ей никак нельзя. Если сейчас она не возьмет ситуацию в свои руки, то может остаться старой девой. И юная леди начала пристальный отбор мальчиков из своего класса на роль будущего мужа. Все мальчики как-то подозрительно отрицательно относились к такому вниманию. Федька, например, который был красивее всех, тот сразу кидался с кулаками, едва Маша брала его за руку и тянула к окну. Да и другие мальчишки не слишком вникали в интересы девочки. И только Виталик старался искренне узнать – а чего, собственно, от него хочется Маше Ведрищевой. Маша не могла ему объяснить, что пока только он остается на роль будущего жениха, но и отпускать мальчишку от себя не торопилась. Она решила подтянуть математику. И Виталик честно пытался ей в этом помочь. Очень скоро в классе стали шушукаться, что Рубцов и Ведрищева – пара. Виталик пытался отнекиваться, что-то объяснять, но Машенька однажды пригласила его к себе за воротник и строго проговорила:

– Поговорят и забудут, чтобы кузнечиком скачешь? Чтобы я больше никаких отнекиваний не слышала.

И Виталик понял – замолчал. А уже после школы как-то само собой получилось, что надо было расписаться. Просто Виталик, как всегда, пытался Маше помочь по математике, когда Маша поступала в институт, а родители пришли, застали их одних и... И, как порядочный молодой человек, Витальке пришлось жениться. Причем, у них и не было ничего. Просто уж больно захотелось Маше в ЗАГС в белой фате съездить. Да и гордость брала – Ирка Карасева еще по институтам скачет, а вот Машенька уже под венец пойдет!

Можно было подумать, что Маша всегда соперничала с Ирккой, на самом же деле... какого черта! Она ее просто ненавидела! Все, что Маше доставалось с большим трудом, Ирке запросто швыряли к ее длинным ножкам! Фигурка, кукольное личико, длиннющие ноги – все это вот просто так было дано этой Карасихе природой. За что?! И училась она отлично – ну, это, чтобы выпендриться. А уж, как ее любили мальчишки! Со всех классов на нее заглядывались. Нет, ну красота – это ж, известно, на любителя. Но с Карасевой выяснилось, что всем нравится именно она. Хоть бы кто-то сказал: «Да ничего особенного. А вот Маша!»». Вот и как к ней потом относиться? Кстати, и Федька – любовь всей Машиной жизни, он тоже сходил с ума по этой Ирке! Да за это убить мало! Хорошо еще, что Витальку удалось урвать. Хоть что-то.

Родители Витальки работали за границей, парня воспитывала только бабушка, и она яростно была против. Но кто б ее слушал! Виталька решил поступить по-мужски. Незачем порочить невинную девушку, надо жениться.

– Виталик, она же только из-за твоих родителей, – отговаривала внука дома бабушка.

Ну вот и кому это надо было? Все итак это знали! Да если б у Витальки родители за границей не пахали, Маша и вовсе бы его не рассматривала. Если честно, она тоже не по большой любви за Витальку бежала! Ей вот, может быть, Федька всегда нравился! Но если тот на нее не смотрел, не в девках же куковать! А у Витальки родичи состоятельные. Можно и самим потом за границу ломануться... Да и фамилию она себе хотела сменить. Ну что такое – Ведрищева? Но вот с фамилией не вышла. Маменька Маши, как услышала, что та мечтает поменять фамилию, так стала выть, будто Маша решила поменять вместе с фамилией и все свои органы на другой пол. Но Маша была, как каменная и свое решение не меняла. Тогда мать пошла на крайние меры:

– Ты понимаешь, что твой отец не вечный! Он помрет, кому его квартира останется? Тебе! А разве он тебе ее оставит, если ты его фамилию предашь?

А вот это стало решающим фактором. Правда, папенька ни фиги Маше не оставил, когда помер. У него попросту ничего не было. Зато Марья так и осталась Ведрищева. Но ничего, вот в следующий раз, когда она выйдет замуж, она сразу же меняет фамилию. А что? Мария Игоревна Сазонова – нормально звучит.

Но вот тогда не вышло. Жили молодые неважно, а когда приехали родители Витальки, то с первой же ссорой ненадежный брак был расторгнут. Причем, Маша даже узнала об этом не сразу. Но... что сейчас вспоминать. Рубцов потом еще женился, но тоже неудачно. Зато, правда, по любви, как он сам говорил. А Маша ударилась в театр.

У Марии так отчетливо в голове всплыли воспоминания, что лицо ее растянулось в блаженной улыбке, а сама она поднялась и направилась приглашать Витальку на танец. Да и музыка была какая-то уж слишком сердечная.

Перед самым ее носом мелькнула фигурка Ирки, и Виталик спешно поднялся с женщиной танцевать.

– Э! Карасева! Ты не заметила, что это я иду приглашать мужа на танец?! – возмущенно округлила глаза Мария.

Ирка не испугалась:

– Машенька, во – первых, на встречах одноклассников нет ни мужей, ни жен, а во – вторых, он тебе муж быв – ший! – она весело запрокинула голову назад и засмеялась залихватистым смехом.

Маша понимала, что ни так уж этой Карасевой и нужен был ее Виталька. Просто надо было показать «чьи в лесу шишки». А этого терпеть Маша никак не могла.

– Ах ты ж дрянь такая! – кинулась она на соперницу и ухватила Ирку за локоны.

– Маша! – услышались голоса, и все одноклассники бросились на Машу.

Ну, вот почему на Машу?! Ни одна зараза не стала добивать Ирку, а ведь видели, что это именно она увела на танец Машкиного мужа! Даже Тонечка, и та – висела теперь на руке у Маше и пыталась что-то протараторить в ухо.

– да уйди ты! – стряхнула ее с локтя Маша. – Какая-то макака липучая! Нет, чтобы...

Но подруга знала нежные струнки Машиной души.

– Маш, а знаешь, что мне про тебя Федька сказал, – зашептала она, виновато глядя Маше в глаза. – Я и не знала, что он так к тебе относится!

– Как? Что он сказал? Быстро говори, – схватила Маша подругу за локоть и потащила Тоню в туалет.

– Ну, говори, что он тебе сказал! – прижала она в туалете подругу к стене.

Та не стала долго капризничать:

– Ну, когда я с ним танцевала, он мне по секрету сказал, что ты... только ты ему не говори, хорошо?

– Да не скажу! Говори, что он сказал!

– Ну вот, он и сказал, что ты детективы раскрываешь лучше, чем целый оперативный отдел, – выдохнула Тонька.

– И что?

– И то! – заблестела глазами подруга. – А для Федьки это самый лучший комплимент! Ты же знаешь, какой он звезданутый по работе!

Маше, конечно же, хотелось услышать что-то другое, но приходилось признать, что и это уже хорошо.

– Да я итак это знала, – кокетливо дернула она пудовым плечиком. – Этот уж мне Федька... Он всегда ко мне дышал неровно...

И Марья с прямой спиной выплыла из туалета. Тоня только удивленно проводила ее глазами.

Марья решила вести себя тихо и загадочно. Все привыкли, что она всегда что-то придумывает, скачет, кричит, смеется, а сейчас – нет. Перед вами, господа одноклассники, тихая, чуть взгрустнутая... взгрустнувшая... яся... В общем, вся таинственная Маша.

Это сразу же сыграло. Со своего места подскочила Таня Свешникова и, прижимая бокал к своему объемному животу, начала, голосом кастрированного монаха:

– Дорогие мои! Сегодня я хочу выпить за нашу Машеньку!

Маша постаралась улыбнуться с максимальной скромностью, но все равно – улыбка получилась слишком довольная.

– Спасибо, Танюша, – величественно качнула она головой.

– Это только благодаря Машеньке мы... – с упоением токовала Таня. Она понимала – пришел ее час. Татьяну вообще мало, кто когда слушал. А тут все смотрели только на нее и внимали каждому слову. Поэтому речь обещала быть долгой, нескончаемой и нудной.

– Ой, да ладно вам, – вскочила со своего места Ирка Карасева. – ну не Машка, так кто другой собрал бы... .Музыку включите там! Погромче!.. Ну? Кто со мной танцевать? Быстро выпиваем и...

Она замахнула рюмку и понеслась на середину танцпола. За ней потянулись почти все одноклассники. За столом остались сидеть только Маша, Тоня и Татьяна все никак не могла закончить свой диалог.

– Вот Жучка, – блеснула на Ирку глазами Маша. – Ведь как не хотела ее приглашать! Нет, ну как не хотела! И кто эту заразу позвал?

– Я и позвала, – удивленно заморгала Таня Свешникова. – Я думала, чем больше человек, тем...

– Татьяна! – вскочила Маша. – Тебе категорически запрещено думать! Ты от этого... толстеешь!

Свешникова испуганно схватилась за бока, за талию и принялась охать:

– Вот я ж всегда говорила маме – не надо мне умничать! А она...

Музыка была быстрая, заразительная, так и тянула танцевать. Маша пошла в центр круга, стала танцевать и, как бы, невзначай, подошла к Ирке:

– Слышь, Карасева! Ты поменьше мелькай передо мной, договорились? А то...

Ирка только весело расхохоталась:

– Машка, ты сейчас такая смешная, прямо, как кастрюля с мясом бурлишь! – выдала она и унеслась танцевать дальше.

Ну и как с ней можно было бороться? Кастрюля с мясом!

В самой середине вечера поднялась Катька, со всеми попрощалась и вышла. Ее особенно никто не задерживал – одной красоткой меньше. Вот только и Федька вдруг засобирился, быстро со всеми попрощался и ушел. И все. В один момент Маше стало как-то неинтересно все. И танцы, и музыка, и даже бывший муж. Ирка тоже уже ушла, казалось бы, можно было отрываться вовсю, но уже не хотелось. Кстати, Виталька уже который раз приглашал Машу на танго и каждый раз плаксиво жаловался, что жизнь у него не сложилась. Он бы и рад все вернуть... Нет, не с Машей, конечно, а с его давешней женой, но братья женщины против. А все потому, что та бывшая нашла более удачную партию, стала совсем богатая, а Виталька, как раз, богатым не стал. А поэтому... Коль уж такое безрыбье, то можно и... к Маше. Обратное. У-у-у- . как же это было нудно. Да и с чего Виталик взял, что Маша бы его приняла?

Когда Мария заметила, что Виталик намылился к ней подойти в четвертый раз, она спешно поднялась и со всеми попрощалась.

– Маш, ну ты чего? – попыталась уговорить остаться ее Тоня. – Тут так весело!

И в самом деле – за Тонечкой принялся ухаживать Юрка Петушков, которого все раньше знали, как алкоголика и пропойцу. Но сейчас, как он говорит, он давно завязал – прямо перед вечером сходил и закодировался, а потому, он собой представлял довольно аппетитный кусок для разведенков.

– Тоня, ты ж понимаешь – у меня собаки не выгуляны, – махнула рукой Маша. – Да и... поздно уже. Час ночи. Что тут – до петухов сидеть? Юра, я не про тебя...

Собрав кое – что со столов для собак, Маша быстренько ретировалась.

Глава 2

На такси тратиться не пришлось. Ресторан был в десяти минутах ходьбы от ее дома, поэтому очень скоро она уже заходила домой.

– Привет, мои хорошие, – бормотала Маша, наглаживая Гришку и Дарика. – так, Дарик, давай в гараж! Нечего в доме, я сейчас тебе туда все принесу... Погодите, я разденусь... О-о-о-, эти каблук... если б вы знали, как хорошо без них!.. Гриша, погоди, сейчас все вам дам...

Покормив собак, Маша развешивала свое платье.

– Ну погоди, Гриш, не крутись под ногами, – пыталась уговорить пса Маша. – Надо же платье повесить. Сейчас все уберу и пойдем гулять... Погоди... Видишь, как Дарик в гараже тихонько ждет...

Неожиданно в окно раздался стук, и собаки тут же подняли страшный лай – Дарик лаял в гараже, а Гришка охранял дом изнутри.

– Кто там? – выглянула Маша в окно.

– Маш!! Маша!! Пусти скорее! – раздался знакомый голос.

От удивления Маша не сразу сообразила, что это голос Ирки Карасевой.

– да кто это? – выглянула Маша и отшатнулась – прямо в окно к ней лезла Ирка. – Ты ошалела?!

– Он меня сейчас убьет! – испуганно оглядывалась женщина и пыталась влезть в окно. – Я ж тебе говорю – пусти!

Маша быстро помогла женщине влезть и только сейчас смогла ее хорошо разглядеть.

На Ирке было то самое платье, в котором она была на встрече. Правда, вместо кокетливых туфелек на высоком каблучке сейчас на Карасевой были обуты какие-то бесформенные сланцы. Скорее всего, мужские, судя по размеру. Под глазом у Ирки багровел свежий фингал, на руке отчетливо проступали следы чьих-то пальцев. Прическа же представляла собой клок рыжего сена. В общем, еще совсем недавно хорошенькое личико Карасевой сейчас выглядело очень плачевно.

– И-и-ир... кто это тебя так? – с искренним сожалением спросила Маша.

– Да кто... – швыркала носом одноклассница. – Ой, Маш, я тебе все сейчас расскажу... Чай есть? А еще лучше коньячка граммов пятьдесят...

– Вот тебе водка... Коньков нет, извини, а я сейчас собак выгуляю и приду. Я быстро.

Чего думать – еще со школьных времен все знали – у Ирки Карасевой отец прямо деспот. Девочка всегда была, как кукла, но никого и никогда не приглашал к себе домой в гости, никогда не задерживалась со школы и всегда боялась получить даже четверку. Если что, отец реагировал мгновенно – девочку били. Ее выращивали, как дорогой товар – чтобы было кого показать, и о ком рассказать. Ее одевали, как игрушку, она посещали все кружки и секции, которые были в их районе, но счастливой жизнь ребенка нельзя было назвать даже с большой натяжкой.

Только Ирке исполнилось восемнадцать, как она выскочила замуж и уехала жить к мужу. Муж был очень спокойным, любил супругу, и Карасева жила припеваючи. Однако, иногда, когда они приезжали к родителям на праздники, отец, по старой привычке, брал дочь под свой контроль. Когда была жива мать, было легче, а потом, когда мать скончалась от рака, отец быстро нашел себе молодуху, стало невтерпех. Ирка перестала приезжать, но иногда приходилось. Жили Карасевы в четырех домах от Маши, в частном доме. В этот раз Ирина приехала на вечер одноклассников и, скорее всего, остановилась у отца. Наверное, тот опять разошелся.

– Мне... я поговорить хотела... – потирала ушибленные места Ирка. – Надо же – рука теперь в синяках будет. Еле к тебе через окно залезла. Хорошо, твой бывший помог, подсадил.

– Владька, что ли? А он здесь чего?

– Так тоже домой шел. Сейчас ведь уже все разошлись, – просто пояснила Ирина.

– А к тебе-то чего полез?

– Да не полез он. Я его попросила, он меня до твоего окошка подсадил.

– Ему бы только кого посадить! – ворчала Маша. – Значит, так... водка здесь... вот тебе салаты из ресторана – закусывай. Давай чай тебе поставлю. Только... ты тут пока посиди одна, а я собак выгуляю. А то они уже давно пляшут. Я недолго. А потом мы с тобой хоть до утра сможем разговаривать.

– давай.

– Чай вон там... как чайник включать. Сама догадаешься... – и Маша вышла, прихватив Дарика и Гришку.

В июне даже в час ночи светло. Во всяком случае, не настолько темно, чтобы на деревья наткаться. Луна светило изо всех своих сил, и дорожки были хорошо видны.

– Вот ты подумай, – разговаривала с Гришкой Маша. – Как живет эта бедная Ирка!

Гришка никуда не торопился, бежал рядом с хозяйкой и деловито заглядывал под каждый куст. Маше искренне казалось, что он ее слушает.

– А ты еще ей завидовал!

Гришка удивленно поднял морду на хозяйку и постарался предположить, о чем та вообще беседует.

Дарик скакал рядом, пытался допрыгнуть до хозяйского лица и чмокнуть Машу в губы.

– Да Дарик же!! Веди себя прилично! – одернула пса хозяйка. – Прямо вот настоящий кобель... Я вот все никак не могу успокоиться – главное, мужу плевать, где его жена находится, ни какой защиты девке... Гриша! Что ты там делаешь? Я с кем разгов... Дар!! Фу этот селедкин хвост! А я сказала фу!! Плюнь, паразит такой! Ну что мне теперь – к тебе в рот лезть, что ли?

Да, на время пришлось про Ирку забыть, потому что даже на поводке Дарик умудрился где-то найти тухлую селедку и старался теперь по – быстрому запихать ее себе в рот полностью.

– А я тебе... Плюнь!

Гришка тоже принялся набрасываться на друга. С одной стороны – пусть хозяйка видит, как он занимается воспитанием этого великовозрастного щенка, а с другой... не, ну найти селедку и в крысу сожрать все в одно рыло! Кто так делает-то?!

– А я... отдай, говорю...

После непродолжительной борьбы, Дарику пришлось сдаться – хозяйская рука была до ужаса цепкая, и нога – на удивление меткой.

– Все! – разобиделась Маша. – Раз такое дело, поворачиваемся и идем домой! И так уже с вами около часа гуляю. А у нас, между прочим, женщина в гостях.

После прогулки Дарик, как обычно, остался в гараже, а Гришка пошел домой, вместе с хозяйкой.

Гараж был отапливаемый, вплотную пристроенный к дому, и Дарик жил там. Сначала было решено, что здоровенная дворняжка будет вообще на улице – охранять двор и жить в будке. Но как-то Дарик бегал в город, по подругам, и прибежал весь подранный. Дело было зимой, оставлять больного пса на морозе было варварством, и Маша забрала его в гараж. Парню новая «будка» так понравилась, что возвращаться на улицу он категорически отказался. Маша сразу же решила, что так тому и быть, и Дар переместился в гараж. Теперь гараж с небольшой машинкой Маши, которая осталась ей после отца, охранялся Дариком, а квартира – Гришей. Так было распределено, но если где-то раздавался шорох, то лай поднимал, как Гриша, так и Дар.

– Все, теперь спать, – отстегнула Маша Дарика от поводка и вместе с Гришкой зашла в дом.

Гришка сразу же побежал в кухню.

– Ир, ну как ты? Не потеряла нас? – весело спросила Маша.

Ей никто не ответил.

Вероятно, Ирка, все же, не дождалась – уснула, потому что сейчас на кухне Карасева сидела, уронив голову на руки.

– Ир, может, ты мужу позвонишь, он тебя... – осторожно потрясла одноклассницу на плечо Маша и вскрикнула. Карасева шумно рухнула на пол. И только сейчас Маша увидела, что все лицо и голова женщины были разбиты тяжеленным камнем. Почему камнем, потому что он лежал здесь же – на столе.

Гришка громко залаял, в гараже другу вторил Дарик.

– Ирка!! – испуганно вскрикнула Маша и отскочила в сторону. – Ира!

Было совсем очевидно, что сейчас перед Машей уже не Ирка Карасева, а ее труп.

– Охренеть... охренеть... с ума сойти... – белыми губами прошептала Маша. – Гришка!
Ко мне!

Надо было оттащить собаку – Гришка так и лез к разбитой голове жертвы.

– Неужели он ее догнал? – бормотала Маша, выбегая в гараж.

Здесь она нацепила поводок на Дарика и понеслась к знакомому адресу, вместе с собаками. Оставляя псов вместе с убитой одноклассницей Мария побоялась. Да и нельзя ведь никаких следов стирать. А у одного только Гришки четыре лапы, он там столько следов напечатает!

Но собаки вели себя безответственно – настырно делали вид, что весь день сидели взаперти, и десять минут назад хозяйка не выводила их по нужде. А значит, им надо было пометить каждый куст и дерево.

– Дарик! Да что ж тебя к каждому кусту тянет! Мы ж только что ходили!..Блин... Только б этот Федька никуда не ушел... Хотя... куда ему идти в такое время?

К Сазонову она затарабанила прямо в окно. Вот интересно – у Маши до окна не дотянешься, удивительно, как Ирка смогла залезть, а Федька все никак не мог привести дом в порядок, и домишко наполовину врос в землю.

– Вот оглоедки, – открыла окно мать Федьки, тетя Даша. – Машка! Хвать тебя за ляшку! Да сколько ж можно?! Совсем совесть прожрала, что ли? Столько времени, а тебе мужика понадобилось!

– тетя Даша... Дарья Николаевна... да Дарик же! Стой ровно!..Мне срочно нужен Федька... Федор. Разбудите его.

– Еще чего! Он недавно с ваших посиделок приперся, а его в любой момент вызвать могут! Иди домой! Уходи домой, он тебя не любит!

– Федька!!! – на удачу крикнула Маша, а потом снова обратилась к пожилой женщине. – Теть Даша, это по его работе!

– Ага, так я тебе и поверила! И не ори тут!

– да я ж говорю! По работе!

– А я говорю, чтобы ты шла отседова!

– Хорошо, – прищурила глаза Маша и стала набирать несуществующий номер. – Сейчас я буду звонить в краевую полицию, скажу, что у нас тут ЧП, и вашему Феденьке такого леща вставят... Алло, это полиция?

– Да погоди ты!! Сразу ж надо было сказать, что ты по делу. А то я думала – опять хренью занимаешься... – пробубнила баба Даша и пошла будить сына.

Маша с тревогой ждала Федьку. Если сказать, что тот вышел с приятной улыбкой, это будет сильным преувеличением:

– Ну и чего тебе надо? – сразу накинулся он на Машу. – Гриша, привет, привет... Дарище, здорово.

– Федь, пойдем ко мне... – дрожащим голосом позвала Маша.

Федор оторопел:

– Да ты с ума сошла! С какого перепугу?

– Вот и я ей говорила так же! Ох, зараза какая! – тут же высунулась тетка Даша.

– Пойдем, Федь, там такое...

Голос у Маши дрожал, и все ее поведение было настолько странным, что Федор не стал дальше спорить. К тому же, он знал тягу одноклассницы к детективным приключениям и, честно, боялся этой тяги.

– Машка... – напряженно произнес он и покачал головой.

– Ага, – кивнула та.

Он даже одеваться не стал – так и вышел – в спортивных штанах и в майке. И теперь Маша торопливо шла за ним, придерживая собак.

– Что там, быстро рассказывай!

– Федь, ты не представляешь, ко мне Ирка прибежала сразу после вечера. Карасева... – задыхаясь рассказывала Маша.

– Зачем?

– Ее кто-то избил! У нее там синяки были, волосы все включенные. Она мне хотела рассказать – кто ее так, но... Я ее оставила, а сама пошла с собаками гулять. Они же, сам знаешь, их же выгулять надо...

– ну?

– Пришла, а... А Ирка вся убитая лежит.

– Убитая?! – Федор даже остановился. – Ты чокнулась, Маша?

– Да, Федь... – кивала Маша. – Вот я сразу к тебе.

– А с чего ты взяла, что она убитая?

– А чего не взять-то? Я ее за плечо потрогала, а она – бац, и рухнула прямо на пол. Нет, мы приходим, а она, как будто на стол облокотилась и спит. Я ничего и не подумала, а за плечо ее... и тут она – обана! Она еще до этого мне говорила, типа, давай поговорим. Но я думаю – как говорить-то, когда собаки сейчас таких морей нальют! Ну и сказала, дескать, посиди одна, а я сейчас быстренько. У меня собаки-то сколько терпели, их же выгулять надо. Ну, мы погуляли, а пришли, тут...

– Маш, скажи честно, а это не ты ее? – прямо в глаза посмотрел Федька и даже остановился.

– Нет, – покачала головой Маша и вдруг взорвалась. – Да ты с ума сошел?! Человек ко мне за помощью пришел, а я!

– Нет, ну ты на вечере была к ней очень... очень негостеприимно настроена.

– Это она сама ко мне пришла, понимаешь? Сама! Ты подумай, как все нелогично. То есть, тогда, когда она меня бесит, когда она там на вечере тебя из-под носа уводит, еще всякая фигня, я, значит, креплюсь и все ей спускаю с рук, а когда она ко мне за помощью прибежала... не я к ней, она ко мне!

– А ты там никакой злобы на нее не держала, ничего не затаила? – внимательно приглядевался к подруге Федор.

– Федь, вот ты поэтому все еще в майорах, потому что у тебя ума нет! Ты как думаешь, я, значит, затаила себе там кучу зла, киплю вся из себя, а тут – оп-паньки, и жертва сама ко мне в руки тащится, да? И тут, естественно, я ее по головушке камешком! И, догадайся, на кого первого подумают?

– А, может быть, ты об этом и не подумала, а ее по телефону вызвонила, так же тоже может быть?

– Может, – согласилась Маша. – Тогда ты ее телефон просмотрю... Дарик! Не тяни!.. Сейчас, даже если ты чего удалил, все равно увидеть можно. Ну и с мужем ее переговори, с соседями. Кто-то же видел, как Ирку били! И, мне кажется, она не молчала.

– Хорошо, проверим, открывай давай.

За разговорами они дошли до дома Маши очень быстро. Хозяйка открыла двери, и вошли все. Только Дарика оставили в гараже.

Федор не первый раз был у Маши, поэтому уверенно прошел на кухню. Маша не хотела лишней раз смотреть на безжизненное тело одноклассницы, поэтому немного задержалась в прихожей. Да и поводок нужно было отстегнуть с Гришкиного ошейника.

– Маша, ты дура? – вышел к ней навстречу Федор. – Это у тебя такая новая фишка, чтобы мужика к себе заманить?

– Чего там? – кивнула Маша в сторону кухни. – Как она?

– Сама спроси, – перекинуло Федору. – Может, позвонишь?

Маша с перепугу даже схватилась за телефон, но тут же опомнилась:

– Совсем уже! Как я тебе буду звонить мертвецу?!

– А с чего ты взяла, что Ирка – мертвец?

– Прекрати тут обезьяньи морды корчить! – рявкнула Маша и шагнула на кухню.

На кухне не было никого. Стол чисто вытерт... или вымыт, аккуратно задвинут стул, на котором сидела Ирина. И никого. Маша наклонилась к самому столу – ничего. Ни капельки крови, ни крошечки земли – ничего.

– И чего? – склонив голову на бок, перекатылся с пятки на носок Федька. – Куда это наша Карасева подевалась? В мертвом состоянии?

Маша молча кивнула на Гришку. Собака тщательно вынюхивала каждый сантиметр пола. Милый медвежонок Гришатка сейчас вмиг превратился в комок напряженных нервов.

– Мне не веришь, посмотри на Гриху. Понимаешь ведь, не бывает у него такого поведения в обычной обстановке, – вздохнула Маша.

Неожиданно из гаража раздался долгий и протяжный вой.

– А вот и Дарик подтверждает.

Федор заскрипел зубами. Вот умела эта Машка испортить вечер! Неизвестно, что здесь правда, а что фигня всякая, но то, что собаки просто так себя таким образом вести не станут, это однозначно.

– Давай отпечатки снимем, – полез он в карман треников.

– Снимай. Но, думаю, здесь кто-то серьезно поработал, – качнула головой Маша. – И, блин, в самое время, когда я опять с собаками вышла.

– А ты думаешь, Гришка бы кого-то задержал?

– Хоть рявкнул бы. И за штанину бы схватил.

– Когда летят человеческие головы, с собаками особенно не церемонятся. Так что... ты спасла собак. И себя. И все же... Почему она побежала именно к тебе? Ведь ты никогда ей не была подругой. Да и на вечере ты на нее накинута...

– Ой, Федь, я тебя умоляю, – махнула рукой Маша. – Ну что там «накинута»? Карасева Ирка была не душой. Она понимала, что всерьез из-за тебя никто драться не будет, кому оно надо. А когда на тебя в час ночи несется разъяренный отец, то тут побежишь, куда глаза глядят. И кто ближе всего к ее дому? Я! Тонька тоже рядом, но у нее даже свет не горит, наверное еще где-то с Петушковым до дома идет. Нет, ну она могла и к тебе...

– Так вот я про это и думаю – почему не ко мне – к участковому, а к тебе, к своей сопернице?

– Какая я ей соперница? А к тебе... Во – первых, к тебе надо бежать немного в другую сторону, во – вторых, ты живешь не один, а с мамой. А уж твоя маменька! Я сегодня тебя еле-еле выцарапала, а Ирке бы и вовсе не удалось. Ее б убили двадцать раз. А в – третьих... Ты у нее с участковым не ассоциируешься. Ты обычный одноклассник. Был бы, хотя бы, полковником каким, а то...

– Ну знаешь!

– Это я в хорошем смысле слова.

– да понял я...

Федор прошелся по кухне, зачем-то заглянул под стол, а потом категорически заявил:

– В общем, так... Пока у нас с тобой ничего нет, давай... это... выше башки не прыгать.

– То есть, мы не будем открывать никакого дела, правильно я тебя поняла? – прилежно спросила Маша.

– Абсолютно правильно! – резко кивнул Федор. – Прямо вот... правильно на все триста! Тем более, что открывать всякие дела нужно оперативникам... Хотя... Сейчас я сам ребятам в полицию позвоню, пусть приедут.

Сазонов набирал номер, о чем-то переговаривался с дежурным полицейским по телефону, а Мария ходила рядом и бубнила:

– ну, я понимаю... Тебя-то, конечно же, ничуть не беспокоит, что убийца каким-то образом проник ко мне в дом, утащил мертвеца... можно подумать, у меня и украсть больше нечего! И спокойненько слинял! При всем при этом, я должна делать вид, что ничего страшного не случилось. Феденька, мне тупо страшно.

– Все... ждем... Маш, ты про что?... А, про это... И что ты предлагаешь? – насторожился Федор. – Ты опять начнешь ковыряться в этом детективе?

– Нет, ну у меня есть более простой выход – переезжай жить ко мне. На время! На время...

– ну, знаешь! – вытянул Федька шею гусем.

– А что такого? Я тебе сдам комнату. Будешь там жить. В месяц десятку платишь, а я тебя и кормить за это буду.

– Еще и деньги платить?! – выпучил глаза Федор.

– А как ты хотел?! – вскинулась дама. – Ты мне кто – муж, что ли? Не муж, так почему я тебя должна принимать бесплатно?!

Они стояли друг напротив друга и сверлили друг друга глазами:

– Вот Карасева уже из-за тебя погибла, – напомнила Маша.

– Да почему из-за меня-то?! – снова взвился Федор Сазонов. – Это, может, из-за тебя!

– А я ни причём. А вот ты – участковый. И что у тебя на участке делается? Если что – я молчать не стану.

– Та блин! – дернулся Федька. – Где комната?

Маша мысленно уже в который раз поблагодарила маменьку за то, что она оставила ей просторную квартиру, и неторопливо повела мужчину в его новые покои.

Комната была большой и светлой. И чего уж там говорить – Федору такое жилье нравилось куда больше, чем его собственный дом. Дома мать никогда не давала ему отдохнуть. Каждую минуту он должен был что-то делать. Даже, когда у маменьки совсем не было дел, Феденька должен был сидеть рядом и держать растопыренные руки, на которые она наматывала пряжу. Кстати, сестра Федора – Тома, уже давно мечтала переехать к матери. Мама бы и за малышами присмотрела, и в школу бы ребят отправила. Да и не пришлось бы Томе платить большие деньги за аренду.

– А, ты ж говоришь тебе сколько – то там платить надо, – вспомнил Сазонов.

– Пятнадцать, – скромно потупила глаза Маша.

– Ты ж десятку говорила!

– Так это ж без еды! А я без еды не сдаю. Я, значит, буду борщи – шашлыки есть, а ты слюни глотать? Конечно же, я тебя стану угощать. И как мне потом за угощения деньги спрашивать? Поэтому... Короче, давай уже, ложись спать, а утром деньги отдашь, а то на ночь нельзя.

Федор не стал спорить, а просто подошел к хозяйке, повернул ее лицом к выходу и тихонько подтолкнул.

– Не приставать! – взвизгнула Марья и выскочила за порог.

Гришка с удивлением посмотрела на хозяйку, а потом на Федора.

– Ты можешь остаться, – кивнул ему новый постоялец, и питомец с достоинством прыгнул на подушку.

Но вечер на этом не закончился. Полицейские все же приехали. Без особого интереса они прошлись по кухне, о чем-то переговорили с Федором и уехали, в полной уверенности, что можно смело поставить галочку – на вызов выехали, ничего подозрительного обнаружено не было.

– Федь, а чего они тебе... – начала было Маша, когда полицейские уехали, но постоялец прямо перед носом захлопнул дверь.

– Ладно... попросишь ты у меня... блинчиков со сметаной, – мстительно произнесла Мария, отправляясь к себе.

День был тяжелый, а вечер и того страшнее. Маша, казалось бы, только приложила к подушке, а уже под ухом взревел чей-то бас:

– Завтрак где, хозяйка?! Блинчики со сметаной где?!

Перед ней стоял Федор и перекатывался в пятки на носок.

– Где завтрак? За что я буду деньги платить?

– В холодильнике творог возьми, со сметаной себе его сделай, – официально улыбнулась Маша и постаралась спать дальше.

– Не люблю я творог! – гремел постоялец.

– А чего ты любишь? – отвернулась от него на другой бок одноклассница.

– Я хочу рисовую кашу, – капризно стоял над душой Федор.

– Тогда надо заранее список составлять! – сонно бормотала Мария. – Райдер! Или на неделю меню составлять. А так... я...

– ты спишь, что ли опять?

Ответом было мирное сопение. Но постоялец был упрям. Он не поленился, достал из холодильника замороженную сосиску и сунул хозяйке под одеяло. Та вылетела из постели ракетой. Зато мгновенно под одеяло, за сосиской кинулся Гришка, спер колбасное изделие и унесся в комнату к постояльцу.

– Ты офигел совсем!! Ко мне лезть холодными руками! – спросонья не совсем поняла правильно Маша.

– Еще чего! Это я тебе сосиску бросил. Из холодильника. Вари рисовую кашу.

– А манка не пойдет? – на всякий случай поинтересовалась Маша и вдруг сообразила, что она не совсем одета. – А-а!!! Наглец!! К девушке ворвался! Выйди, гад! Мне надо переодеться! За это никакой тебе рисовой каши!

С кашей она решила не заморачиваться – слишком долго ее надо варит. Зато быстренько сделала яичницу с колбасой.

– Вот, ешь и на работу, – тоном немолодой жены проворчала Маша.

– Ага, тебя вот не спросил, – пробурчал Федор. – Мне сначала домой зайти надо, одеться.

– Не забудь вечером вещи принести. Если не придешь, я опять к тете Даше нарисуюсь.

Федор хмыкнул, быстро расправился с яичницей и исчез за дверью.

– Гришаня! Гриша... а, ты спишь... Ну и правильно. Давайте спать, ребята, Дарик вон в гараже тоже притих, спит...

И Маша снова залезла под одеяло, откуда очень скоро стал доноситься тоненький женский храп.

Проснулась Маша, когда на улице всю светило солнце, а часы показывали одиннадцать часов. Да она бы и сейчас не встала, если б Гришка упрямо не лез к ней в лицо целоваться. А Гришка хорошо разбирался во времени.

– Ого... ребята! Быстро на прогулку.

Утро прошло сумбурно. Пока с собаками погуляла, а потом только собралась в магазин, но пошли звонки.

Звонили девчонки, и каждой хотелось обсудить, как вчера прошел вечер.

– Нет, ну ты была такааая кла-а-а-ссная, – тянула в трубку Танька Свешникова. – Нет, ну я думала, что ты будешь хорошо выглядеть, но та-а-а-а-к...

– Танечка, ты тоже была вчера супер, – отвечала «мармеладом» Маша. – Как ты? Ничего особенного не произошло?

– В смы-ы-ы-ысле? Я только проснулась, – мучала Танька. – А ты про что?

– да я так – вдруг, с каким одноклассником договорилась встретиться, – хихикала Маша, стараясь выудить хоть какую-то полезную информацию.

Однако, все девчонки звонили, верещали в трубку, но ничего полезного не сообщали.

День продолжался обычно, кроме того, что вчера, поздно вечером вот в этом доме лежала мертвая Ирка...

– Надо же, – вздыхала Мария. – На Ирку – то какой спрос. Даже мертвую уперли...

И все же, жизнь шла своим чередом. Марья убралась в доме, кое – что засунула в стиральную машинку, потом в магазин сбегала – все же постояльца надо было чем-то кормить. Это хорошо, что она еще вчера сварила борщ, а если он не любит эти борщи? Вон он какой принципиальный – подавай ему рисовую кашу и все тут. Еще бы кто знал, как ее варить!

После магазина Маша с пакетами возвращалась домой, и ноги сами собой притащили ее к дому родителей Ирки Карасевой. Вот не надо было туда идти, она ж обещала Федьке. Но... Как же не идти? Эдак и вовсе можно договориться до того, что преступления можно оставлять нераскрытыми. Ну уж нет! Тем более, что убили одноклассницу прямо в доме Маши. А если ее убил собственный отец, и убил он ее в доме Маши? Проследил, выждал, когда она пошла собак выгуливать и... В общем, ходить не надо было. Но... Маша все равно пошла.

– Дядь Витя-я! Дядя Витя-я-я, – стучала Маша в калитку.

К воротам не скоро, но подошли:

– Чего тебе? – открыл калитку неприветливого вида небольшой мужичок.

– Дядь Витя, Ирку позовите, а? Вчера она у меня двести рублей взяла, сказала, что отдаст сегодня. А сама не идет и не отдает. А я вот последние копейки на продукты истратила, – ворчливо затараторила Маша.

Дядю Витю – Иркиного отца она знала. Да и как не знать – и с Ирккой вместе учились, и на одной улице прожили невесть сколько. Да и тот Машу знал.

– А где я тебе Ирку возьму? Нет ее! Не приезжает она к нам

– Ну... вчера ж приезжала, – наседала Маша. – На вечер встречи приезжала, к вам зашла... наверное зашла.

– Не заходила она, – рявкнул пожилой мужчина. – Сама видишь – у нас здесь и остановиться ей негде!

Маша оглянулась – и в самом деле, ворота Карасевых были закрыты. Возле ворот лежала груда дров – видимо Карасевы купили, но еще не сложили. Дров было много, они даже на дороге немного вывалились. Ирке бы точно на машине остановиться было негде.

– Хорошо, – махнула рукой Маша. – Тогда скажите, где она в городе живет? Я, знаете ли, не банкир вам какой-то, чтобы деньгами раскидываться! Двести рублей, это... это... ого-го! Или сами отдавайте!

– Разбежался! Вот увидишь ее и забирай. А где она живет, я не знаю. Так сказать могу, могу показать, а как улица называется или там дом, этого не знаю.

– А мужу можно позвонить? Он бы продиктовал адрес.

– Так вот ты сама Ирке и позвони, командирша, – проворчал дед и ушел во двор, закрыв за собой калитку.

Мария потопталась возле калитки, подхватила пакеты и медленно побрела домой. Ну вот не ведут себя так уверенно старики, которые избивают собственную дочь, а потом еще добивают ее и крадут труп. Уж больно спокойный какой-то этот дядя Витя. Если б что, у него б и глазки бегали, и взгляд бы он отводил, ну, в общем... видно было бы, а этот... наглый хмырь. Но, тогда получается, что Ирку избил вовсе не отец? А кто?

Маша пришла домой и принялась готовить тефтели. Она так любила эти мясные комочки, что была уверена – Федору они точно понравятся. Сейчас еще картофельное пюре сделает, салатик накрошит...

В двери раздался стук, и по виляющей заднице Гришки Мария поняла – пришла подруженька.

В дверях стояла Тонька.

– Гришенька, смотри, я тебе мяска принесла, уй ти мой холесенький... Давай, Дарика тоже угостим. Дарик! Дарик, иди мяско кушать!

– Ты проходить будешь? – нетерпеливо притопывала Маша.

– Ой, Маш, привет, – тут же проскочила Тонька сразу на кухню. – А чего ты тут стряпаешь? Тефтели? А чего – у тебя праздник какой?

– Да какой там праздник, обычный ужин, – махнула рукой Маша.

– А то я не знаю, что ты на обычный ужин себе ничего кроме сосисок не варишь!

– Ну... это я себе, а мужика кормить вкусно надо, – лепила шарики Маша. – Сама ж знаешь, путь к сердцу...

– Погоди... – нахмурилась Тоня. – Мужика? Ты сказала «мужика»? То есть, у тебя появился мужик? Со вчерашнего вечера ты успела с кем-то настолько познакомиться, что он уже сегодня перелез к тебе в постель?

– не завидуй. И потом, этого мужчину я знаю давно.

– И кто это? – горели глаза у подруги. – Твой бывший?

– Почему это? Нет, это Федор.

– Кто-о-о?! – Тонька клухой подлетела со стула и уселась рядом. То есть, на пол.

– Тоня! Прекрати мне эти аттракционы тут устраивать! – накинулась на нее Маша. Ей на миг показалось что вот сейчас эта сумасшедшая Тонька долбанется углом о висок и тоже завалится, как Ирка.

– ты сказала – Федор? У тебя живет Федор?

– Да, я сказала, Федор. Могу уточнить – Федор Сазонов, так понятно?

– Ты врешь! – злобно поджала губы Тонька. – Ты вот нагло берешь и... и врешь!

– Ладно, сама увидишь, – не стала спорить с подругой Маша. Она вдруг повернулась к Тоне. – Слушай, Тонь, а ведь ты дружила с Ирккой Карасевой, а?

– С чего? С чего ты взяла? Я вообще с ней ни разу не дружила! Прямо, чего как выдумаешь! – и Тонька так яростно заморгала глазищами, что сомнений не осталось – Тонька с Ирккой встречалась довольно часто.

– Ты же знаешь, где она живет?

– Знаю, – кивнула Тоня и тут же сообразила, что прокололась. – Да просто мы с ней встречались пару раз, она меня со своим мастером знакомила. А так я вообще с ней ни разу не дружу.

Глава 3

Машка всегда не любила Ирку, а у Тони с Ирккой были нормальные отношения. Кстати, Тоньке частенько доставались от Ирки ее шмотки, которые выходили из моды, как казалось Ирке. На самом деле, ничего они не выходили. Тонька их с удовольствием носила. И, между прочим, сама Машка завидовала. Но, конечно же, Тоня не распространялась, откуда у нее появлялись брендовые вещи.

– Диктуй адрес, – откуда-то притащила Машка ручку и лист бумаги.

– А тебе зачем? – испуганно вытаращилась Тоня. Если Машка понесется Ирке морду бить, неприятно будет, когда Карасева узнает, что ее сдала Тоня.

– Говори давай! Ирка у меня вчера двести рублей заняла...

– Ой, не смейся – у тебя, ага! Ирка!

– Не смеши. Она просто не доплатила в ресторане двести рублей. А сама уехала. Вот и пришлось мне доплачивать.

– так давай я тебе за Ирку отдам.

– А чего это ты деньгами разбрасываешься? – прищурилась Маша. – Подругу выгораживаешь?

– Да ла-а-а-адно, – причмокнула языком Тоня и четко продиктовала адрес.

– Вот и молодец, – похвалила Маша. – Чего сидишь? Давай, режь помидоры, будем салат готовить. В холодильнике возьми. Только их сначала помыть надо...

– А чего это собаки разлаялись? – вытянула шею Тонька. – И Дарик в гараже твякает. Чего это они?

Маша выскочила в гараж, выпустила Дара и тут же вернулась:

– Думала, что серьезное, а там к Дарику какая-то беременная сучонка пришла. Наверное, пришла сказать, что он будет отцом.

– А Дарик чего? Обрадовался? – хихикнула Тонька.

– А Дарик сказал, что только ДНК, ибо я его с поводка не спускаю, а на поводке... Хлеб нарежь...

Так за разговорами они и дождались Федора.

Если честно, Маша даже рада была, что подруга увидит, что у них с Федором совместное проживание. Там уже можно не уточнять – как и почему. Просто сам факт. А вот Тоня до последнего не верила. А когда в дверях показался сам Сазонов... с чемоданом в руках, нижняя челюсть дамочки съехала куда-то вниз, да так там и осталась.

– Проходи, дорогой, – тут же направилась к Федору Маша, и даже чмокнула мужчину в щеку.

Федор, растерявшись, тоже клюнул Машу, но тут же, опомнившись, оттолкнул ее:

– Маш! Ты совсем, что ли?

– да ладно, это ж Тоня, чего ты? – с самой мармеладной улыбкой успокаивала его Маша. – Иди, мой руки и садись за стол.

Тоня вообще ничего говорить не могла – она так и сидела с упавшей челюстью, хороня все свои самые сердечные надежды.

Пока Федор мыл руки, Маша забежала к нему в ванную:

– Ты чего, как дикарь?! – накинулась она на него. – Сам говорил, никому ничего говорить не будем, а сам! Что мы скажем – что я боюсь спать одна в доме, потому что здесь Ирку грохнули?! И это надо сказать Тоньке? Чтобы завтра узнал весь город?

– Ну, знаешь! Женихаться с тобой я тоже не обещал!

– А никто и не предлагает! Просто молчи, а она сама все додумает. А потом можно ей сказать, дескать, с ума сошла? Ты чего себе придумал? Отмазаться можно в любой момент.

– Ну смотри! Увижу, что будешь ко мне клеиться!..

– Оспади... я тебя умоляю! – презрительно фыркнула Маша. – Пошли есть. Кстати, тефтели ешь?

– Ем!

– С тебя пятнадцать тысяч. Ты еще не оплатил.

Вечер за столом проходил довольно живо. Вспоминали вчерашний вечер, пересматривали фотографии на Тонькином телефоне, а Маша все время пыталась разглядеть что-то необычное на фото Ирки Карасевой. Похоже, Федор тоже интересовался этим.

– А это кто? – тыкал он пальцем в кого-нибудь.

– Это Семечкин, из параллельного класса. Ну помнишь, был еще такой рыжий мальчишка. Сейчас-то он лысый... А вот это кто с Ирккой?

– Нет, это никто, – махал рукой Федор. – В смысле, это наш, Это же... как его... .

– Это Юрка Петушков, вы чего?! – обижалась Тонька.

Обидно было, что Федька с большим интересом разглядывал фото Катьки Солодовникоовой.

– Нет, ну Катька-то какая стала, – даже Тонька не выдержала.

– Кстати, нормальная баба, – подтвердила Маша. – Богатая, а как Ирка не зазнается.

– Нормальная... – как-то по особенному повторил Федька.

Уже в половине одиннадцатого Маша поднялась:

– Ну, Тонечка, пора тебе и честь знать. Давай, шуруй домой.

Тоньке уходить до ужаса не хотелось. Что еще за необходимость оставлять этих голубков вместе? Тем более, ну вот не любит Федька эту колоду Машку, хоть ты тресни. Но... но надо было идти домой.

– А вы меня не пойдете провожать? – на всякий случай спросила женщина.

– Иди давай! Здесь светло! Мы в окно смотреть будем. Возьми с собой Дарика. Потом отпустишь, он домой прибежит. Как дойдешь, позвонишь.

В сущности, подруги всегда так и делали – Маша отправляла Тоню с Даром, а потом пес прибежал домой. Обидно, что и сейчас эти двое не захотели вот так прогуляться, и проводить ее. Но...

После того, как Тоня ушла, Маша помогла разложить вещи Федора и еще раз заботливо напомнила:

– Денюжку можешь положить вот сюда.

Федор положил пятнадцать тысяч в шкатулку, и стал чувствовать себя равноправным членом семьи. Кстати, это было не так уж и плохо.

– Марья, можно тебя на пару слов – позвал он одноклассницу перед самым сном.

– Интим не предлагать, – насупила брови женщина.

– даже и не мечтай, – рыкнул Федор, а потом развернул подругу и заглянул ей в глаза:

– Ты, подруга, ничего сегодня не делала?

– В смысле? – искренне удивилась Маша. – Делала! Ты думаешь, я весь день сидела, сложив руки? Да я!.. В магазин бегала, тащила оттуда такие торбы! Потом эти тефтели! И потом еще картофельное пюре! А это тебе не просто картошку отварить! Туда надо и масло, и яйцо... .

– Ты ж знаешь, про что я спрашиваю, – хитрым лисом улыбался Федор. – Ты никуда не совала свой нос? Мы опять не начинаем играть в детектива?

– Знаешь, Федь, мне, конечно, страшно, но... Но, когда ты рядом, я вообще не боюсь.

Поэтому – чего я буду носы куда-то сувать.

– Ну смотри, – качнул головой Федор. – Смотри...

– да смотрю я! Пусти, Дарика надо в гараж впустить.

Дарик уже прибежал от Тоньки, а через минуту раздался телефонный звонок:

– Все, Машка, я дома... Слуша-а-ай, ну ты сво-о-о-олочь! Ты же знаешь, что я люблю Федьку! Вот и зачем ты...

– И тебе спокойной ночи, – мило улыбнулась в трубку Маша и отключила телефон.

На следующий день у Марьи было серьезное дело – нужно было ехать в центр города, к мужу Ирки. Днем ехать было бессмысленно – скорее всего, мужик был на работе. А вечером бы ее мгновенно вычислил Федька.

Решено было ехать сразу после обеда. А пока можно было прогуляться с собаками.

– Гришик! Собирайся, пойдем на прогулку!

В гараже Дарик тут же услышал заманчивое предложение и принялся скакать так, что даже дом ходуном стал ходить.

– Гриша, собирайся, а то Дарик нам весь дом разнесет, – поторопила Маша, но Григорий сегодня был не в настроении.

Пес лежал на подушке Федора и покидать комнату категорически отказывался.

– Гриша! Гулять! – еще раз позвала Маша. Но пес не дрогнул.

У Гришки были такие выкрутасы – часто он не хотел выходить гулять. Если мороз или тебе там какой-нибудь неприятный дождь – зачем себя мучить? Когда ему приспичит, хозяйка итак его выпускает по первому гавку. Не слишком жаловал пес и жару. Короче, трудно было найти погоду, когда бы Григорий рвался на улицу. Но сегодня Машу это не на шутку перепугало.

Еще бы! Собака не молодая, а тут такие стрессы. А ведь, она слышала, например, волнистые попугайчики могут умереть от стресса. Неизвестно, как к стрессу относились вестики, но тоже, надо думать, ничего хорошего.

Маша решительно набрала номер – как хорошо, что она записала номер на руке, а потом перенесла его в свой справочник. Теперь личный ветеринар всегда был, что называется, под рукой.

– Алле, – раздался спокойный голос.

– Катя, это я, Маша, – торопливо начала Мария. – Катенька, у меня к тебе такой вопрос... Слушай, как ты думаешь, а вот собаки, я вест хайленда имею в виду, они могут умереть от стресса?

– А откуда у твоей собаки стресс? Ты у него украла кость? – даже сейчас было видно, как Катя улыбнулась.

– да нет, что ты, – замахала рукой Маша, забыв, что ее катя не видит. – Тут... в общем, мне кажется он увидел... Он увидел мертвую кошку. И у него, мне кажется, стресс. Он может умереть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.